

FULVIO ERVAS

FINCHÉ
C'È PROSECCO
C'È SPERANZA

ФУЛЬВИО ЭРВАС

ПОКА ЕСТЬ
ПРОСЕККО,
ЕСТЬ НАДЕЖДА

Перевод с итальянского Оксаны Рогозы

**LIVE
BOOK**

Москва

2024

УДК 82-3
ББК 84
Э 74

Fulvio Ervas
Finché c'è prosecco c'è speranza

*This edition is published by arrangement
with Marcos y Marcos s.a.s, Milano*

Questo libro è stato tradotto grazie a un contributo per la traduzione assegnato dal Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale italiano.

Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке, предоставленной Министерством иностранных дел и международного сотрудничества Италии.

Дизайн обложки Анастасии Ивановой.
Использованы материалы Shutterstock.

Эрвас, Фульвио

Э 74 Пока есть просекко, есть надежда / Пер. с ит. Оксаны Рогозы. — Москва: Лайвбук, 2024. — 400 с.

ISBN 978-5-907784-00-0

В залитом солнцем итальянском городке, на родине просекко, все встревожены: покончил с собой блистательный граф-винодел, директора цементного завода застрелили, а молодая наследница легендарных виноградников грозит их вырубить, чтобы посадить бананы. Инспектор Стуки, хоть и не выпускает из рук бокала, решительно настроен поймать преступников и вернуть спокойствие горожанам, чтобы все, как и раньше, могли наслаждаться каждым днем и каждым пузырьком игристого.

Атмосферный детектив популярного итальянского писателя Фульвио Эрваса очаровывает волшебством уникального региона Италии Венето, напоминает о красоте и ценности каждого уголка земли, наводит на мысли о вечном конфликте между жадностью и уважением к земле, прогрессом и традициями.

УДК 82-3
ББК 84

© Marcos y Marcos 2010, 2022
© Оксана Рогоза, перевод на русский язык, 2023
© оформление, Livebook Publishing LTD, 2023

ISBN 978-5-907784-00-0

Один бокал — хорошо.
Два бокала — будь начеку.
Три бокала — ты попался!

*Надпись в витрине
одного из баров в Тревизо*

13 августа

четверг

Бар Секондо в центре Тревизо — славное местечко: удобные плетеные стулья, мраморная барная стойка и по-семейному уютная атмосфера. На стенах, черным по белому, — изображения виноградных лоз. Наметанный глаз сразу определит, что это: *гайот* или *силъвоз*^{*}, но даже непрофессионалу может доставить истинное удовольствие вид гибких, изящных побегов, элегантно изогнутых арок и шпор. Обрезка для Секондо — переломный момент, когда сливаются воедино прошлое, настоящее и будущее виноградной лозы. И вино, конечно же! Для него это живой организм, ничем не уступающий завсегдатаям заведения — этим честным бездельникам, убивающим время за барными столиками в попытке отрешиться от повседневной суеты.

---

^{*} *Гайот и силъвоз* — типы формировки виноградной лозы (здесь и далее примеч. пер.).

— Просекко, — произнес инспектор Стуки, подходя к барной стойке.

— Какое предпочитаете? Тихое?

— Полуигристое.

— Ферментированное в автоклаве или в бутылке?

— Не важно.

Бармен Секондо укоризненно посмотрел на полицейского.

Облокотившись на барную стойку, инспектор созерцал дно бокала, воображая, что это дышат крошечные существа. Пузырьки поднимались на поверхность, образуя пену, — захватывающее зрелище!

— Я ему повествую о рождении вина, а он пузырьки разглядывает! — с упреком промолвил бармен, подавая тарелку с фрикадельками.

Хорошо, допустим. Инспектор Стуки признавал, что он в этом деле не знаток и очень плохо разбирается в винах, что, впрочем, не мешало ему при случае наслаждаться бокалом хорошего вина. Но проблема в том, что Секондо превратил свою страсть к вину в своеобразную религию и все чаще, качая головой, заявлял, что если так и дальше пойдет, то навсегда исчезнут церкви, книжные магазины и бары. Людям будет совсем наплевать на историю того, что они едят

и пьют, и в результате победит гомогенизированное пюре.

Бармен сопротивлялся, как японский солдат в джунглях, оплакивая те времена, когда посетители, заходя в бар, во всеуслышание кричали: «Один укольчик» или «Глоток красного!» Они жаждали получить инъекцию жизни, порцию Святого Духа.

«Глоток» обычно наливался в простой, покрытый царапинами стакан из толстого матового стекла, которое с годами стало тонким и прозрачным, нечто вроде христианского потира, как напоминание о том, что вино — это не просто напиток, а прежде всего культура. За почти тридцать лет бармен Секондо разлил по стаканам десятки тысяч литров вина и повидал столько пьющих, что даже принялся их классифицировать. Эдакий Карл Линней любителей вина.

Секондо утверждал: обрати внимание, как человек держит бокал с вином, и ты узнаешь всю его сущность. А еще посмотри на губы пьющего, — добавлял бармен и пояснял, что губы могут касаться, всасывать, кусать, молиться, дрожать и даже напевать, пытаясь извлечь живительную влагу.

Вся правда о человеке проявляется не в состоянии опьянения от вина, а через язык жестов во время питья. Таким образом, уверял Секондо, он, например, в состоянии безошибочно отличить

жителя Вероны от жителя Виченцы, эгоцентрика от нарцисса, адвоката от зубного врача или закоренелого холостяка от авантюриста, который не знает, что его ждет завтра.

— Так или иначе, сразу заметно, у кого совершенно особенные отношения с алкоголем.

— Серьезно? А как насчет того парня? — прошептал инспектор Стуки, украдкой кивая на одного из посетителей. — Судя по тому, как он трясет свой стакан, он или надеется получить масло, или у него судороги.

Бармен ничего не ответил. Он продолжал меланхолично протирать стаканы, глядя на них с такой нежностью, словно на старых добрых знакомых. Уже несколько дней подряд в мужчине угадывалась какая-то невысказанная боль.

— Что-то не так, Секондо?

— Да так... мысли одолевают, — ответил бармен, и его отяжелевшие веки вмиг прикрыли предательски заблестевшие глаза.

Нет, так не пойдет, подумал инспектор Стуки. Бармен никогда не должен впадать в депрессию. Это плохая реклама для заведения. Кто захочет пить вино, от которого тебя одолевает печаль? Потому что это первое, что приходит в голову от вида грустного бармена: во всем виновато вино, которое он наливает.

Не то чтобы инспектору уж очень нравились подмигивающие посетителям бармены — весельчаки и рубаха-парни: слишком фамильярные и ведущие себя так, словно они в курсе всех самых важных секретов гостей и не прочь кое на что намекнуть. Стуки предпочитал тех, которые умели держать должную дистанцию: вежливая улыбка, остроумная шутка, меткая цитата «между первой и второй»...

— А я как пью?

— Как будто корью заразился, — ответил бармен.

14 августа

ПЯТНИЦА

— Чильеджоло.

— У нас нет чильеджоло. — Секондо уже знал предстоящий спектакль наизусть.

— Тогда бовале гранде.

— И бовале гранде нет.

Дальше обычно шли красное монтескудайо, черазуоло ди виттория и кариньяно дель сульчис.

Но на этот раз бармен явно не был расположен к общению и оборвал разговор, налив привычное пино-нуар*.

— Вечно в вашем заведении ничего нет! — запротестовал Пьеро по прозвищу Ной, известный в определенных кругах своей замечательной способностью безошибочно определять состав любого

---

* Чильеджоло, бовале гранде, монтескудайо, черазуоло ди виттория, кариньяно дель сульчис, пино-нуар — сорта итальянского вина.

вина, а еще тем, что нередко от излишнего усердия ему случалось по уши налиться в процессе дегустаций.

— Так что тебе мешает пойти в приличное заведение по твоему вкусу? А то здесь, я вижу, каждый пользуется привилегией критиковать и возмущаться.

Любитель пино-нуар покосился на свой бокал и перевел взгляд на только что вошедшего в бар Стуки.

— Я плачú, и значит, имею право возмущаться!

— Это еще что за теория?

— Правильная теория!

— Куда катится мир? — принялся философствовать бармен.— Человек просыпается утром и выдает теорию: обо всем и ни о чем, о кризисе, о выходе из кризиса, о правых, о левых... Пьеро, теории так не рождаются, это тоже своего рода искусство, — отрезал Секондо.

— Хорошо, тогда приведи мне пример правильной теории.

— В период кризиса торжествуют белые вина.

— А когда торжествуют красные вина?

— Когда все идет отлично!

— И после этого ты недоволен тем, что я пью только красные вина?

— У меня есть теория о теориях, — попытался вставить Стуки.

— Супертеория? — заинтересовался Секондо.

— Естественно. Но я вам объяснять не буду, иначе вы придумаете теорию о супертеориях, и так без конца, — улыбаясь, ответил инспектор.

Стуки прокорпел целый день над документами и вырезками из старых газет, изучил массу черно-белой хроники, а на выходе из полицейского управления ему припомнилось мрачное, беспросветное, как зимний туман, настроение его приятеля-бармена, в котором тот пребывал уже несколько дней подряд. Вот и сейчас Секондо неизвестно за что рассердился на одного из своих постоянных клиентов.

— Серьезно? — спросил Стуки, чтобы разрядить обстановку. — Вы пьете только красное? Вам не нравятся белые вина?

— Изначально виноград был красным. Потом произошла какая-то генетическая мутация, повлиявшая на натуральный краситель кожицы виноградных ягод. Так появился белый виноград. Я так думаю, Господь услышал молитвы производителей шампанского.

— Многие белые вина производят из черного — разновидности красного — винограда, — вмешался в разговор Секондо.

— Вот именно! Какой смысл пить белое вино, сделанное из красного винограда? Я за соблюдение традиций!

Стуки заказал просекко и поднял бокал.

— Дорогой Секондо! Сейчас я пойду домой, и первое, что сделаю, — сниму обувь и буду ходить босиком. А дальше — жизнь покажет...

Полицейское управление города Тревизо постепенно пустело. Агент Ландрулли отправился в Болонью к родственникам. И только агент Спрейфико одиноко сидел под вентилятором и болтал в чате. По дороге домой Стуки решил зайти в ковровую лавку к дяде Сайрусу. Инспектор застал старика за странным занятием: тот пытался освежить свои любимые ковры, обмахивая их веером.

Впереди инспектора ожидал наводящий скуку Феррагосто*, один из тех нерабочих дней, когда даже преступники предпочитают поваляться на пляже и позагорать, чтобы по возвращении с новыми силами взяться за старое.

Стуки сидел на плетеном стуле у порога своего дома. Эти стулья мастерил для соседей один древний старик, ровесник века, который все никак не решался умереть.

---

* *Феррагосто* — праздник Успения Пресвятой Богородицы, отмечается 15 августа.

Инспектор налил себе стакан темного пива и открыл пакетик орешков. Время от времени он бросал взгляд на дорогу, с интересом наблюдая за жизнью переулка Дотти.

Иногда все-таки сто́ит выйти на улицу, пообщаться с соседями, обменяться бесполезными мнениями о жизни, выслушать некоторое количество жалоб, а также советов о том, как победить мафию, наркотики, инфляцию и, естественно, как выиграть чемпионат мира по футболу. Иногда бывает полезно просто понаблюдать, как живут соседи, если вы хотите понять, что такое настоящая жизнь.

Место, где жил инспектор, представлялось ему маленьким человеческим лесом, обитателями которого были примерно пять десятков человек и несколько кустиков герани на балконах. Еще здесь имелись: крошечный садик, четыре дверных колокольчика на цепочке, нотариус, многодетная семья с семью детьми, врач нетрадиционной медицины, несколько офисных работников, две продавщицы и три пары довольно симпатичных пенсионеров.

Среди всех жителей выделялись две довольно оригинальные личности: сестры Сандра и Вероника. Дамы неопределенного возраста, девицы, но уж точно не из-за отсутствия интереса к предмету.

Вот уже три дня, как сестер из переулка Дотти очень занимал вопрос: почему больше не слышалось громкого восклицания инспектора Стуки: «Антимама!»*

Дверь соседа справа открылась со всегдашним скрипом, пакет с мусором порвался, но на этот раз никакого ворчания на тему «уже экономят даже на пакетах» не последовало. Очень странно!

Сандра и Вероника находились на своем наблюдательном посту — у приоткрытого окна. Оттуда им хорошо было видно, как инспектор Стуки медленно пил пиво. Скорее всего, сегодня вечером он никуда не пойдет, решили сестры.

По наблюдениям Сандры и Вероники, уже несколько дней подряд поздно вечером инспектор куда-то уходил напوماженный и в галстуке. Со всем как те важные адвокаты из контор в центральных районах города или продавцы нижнего белья, которые сначала разрекламируют каждую пуговицу своего товара, а потом, если вспомнят, с вами поздороваются.

«Здесь замешана женщина!» — думали девицы, страдая от ревности; не из-за конкуренции, понятное дело, а от недостатка информации в их распоряжении. Инспектор вел себя как ведущий

---

* На самом деле, никто из окружения инспектора Стуки так и не понял, что означает это слово.

телевизионного выпуска новостей: произносил много слов, но не говорил ничего определенного.

— Почему он нам ничего не рассказывает? — недоумевала Сандра.

— Он нам не доверяет! — прошептала Вероника с таким отчаянием, будто ей диагностировали рецидивирующий моноклеоз.

— И это после всего, что мы для него сделали! — неутешно вздыхали сестры.

Сандра, младшая сестра, однажды даже предприняла попытку разговорить агента Ландрулли, выследив его у входа в полицейское управление. Конечно, она не собиралась вынуждать полицейского предать своего начальника (что, впрочем, было бы невозможно): такой поступок был недостойн сестер из переулка Дотти. Сандра всего-навсего хотела узнать кое-какие новости, выслушать некоторые предположения, ей было бы достаточно даже самого маленького намека.

— Значит, есть женщина? — прямо спросила Сандра агента Ландрулли после нескольких попыток начать разговор издали.

— У кого? У меня?

— Да при чем здесь вы! У инспектора Стуки, конечно!

— У инспектора? Нет, что вы!

— Нет что? Можно ли поконкретнее? Есть или нет у него невеста? Или вам так трудно ответить? Ну, конечно, я всего лишь простая девушка из провинции.

Один на один сестры из переулка Дотти были опасны, как остро отточенный кинжал. Ландрулли предпринял попытку к бегству и стал медленно пятиться назад, скользя боком по стене. В качестве отвлекающего маневра он решил воспользоваться фразой:

— Это конфиденциальная информация.

— Вы человек, наиболее информированный о фактах, — был ответ.

Нежелание агента полиции отвечать показалось сестрам подозрительным, и они приняли решение продолжить расследование.

...Стуки нехотя поднялся и, захватив стул, вернулся в дом. Сестры затаили дыхание и напряженно ждали. Женщинам пришлось оставаться на своем наблюдательном посту целых полчаса. Наконец их усилия были вознаграждены: элегантно одетый и причесанный инспектор вышел из дома, оставляя за собой шлейф терпкого аромата. «Еще и парфюм! Все совпадает».

Не теряя ни секунды, Вероника и Сандра поспешили за Стуки. То и дело смешиваясь с людским потоком, чтобы не попасться на глаза инспектору,

сестры вслед за ним пересекли центральную площадь Синьории. Стуки шел, нигде не останавливаясь, о чем-то задумавшись и не обращая никакого внимания на окружающую его величественную красоту. Казалось, наоборот — гул бесчисленного множества людских голосов заставлял его ускорить шаг. «Наверное, опаздывает», — предположили сестры, когда инспектор побежал. Женщины не могли угнаться за Стуки, и очень скоро тот скрылся из виду, войдя в здание железнодорожного вокзала. «Уйдет!» Сестры были в отчаянии. Когда они наконец оказались на перроне, вокруг не было ни души. Однако у Вероники и Сандры осталась зацепка: светящееся электронное табло показало, что последний поезд ушел несколько секунд назад. «Венеция! — воскликнули преследовательницы. — Что ему делать ночью в Венеции?»

Этот город сейчас казался сестрам воплощением всех опасностей: в их разгоряченном воображении инспектора, как раненую чайку, уже засасывал ил Венецианской лагуны...

— Как — раненую? — спросила Сандра.

— В самое сердце, — ответила Вероника.

— Какое еще сердце? У него нет сердца! У Стуки вместо него теплообменник.

Сестры уныло поплелись обратно и вернулись на площадь Синьории. Они уселись за столиком

одного из уличных кафе, из-за которого только что поднялась шумная компания недостаточно — на критический взгляд сестер — одетых молодых людей. Властным жестом Сандра подозвала официанта и приказала ему привести в порядок скатерть.

— Ты думаешь, он пошел к той полицейской?

— К какой это?.. К той самой?

— Да, к той!

— Да у нее же от горшка два вершка!

— И сиськи жирные. А еще растяжки. Согласись, это уже просто неприлично!

— Плюс косолапая — ходит, как утка переваливается.

— А еще, мне кажется, она заика. Только представь: тот ей начнет объясняться в любви, а она в ответ будет спотыкаться на каждом слове.

— Да они разойдутся! Если уже не разошлись. Я думаю, он поехал, чтобы вернуть ей кольцо.

— Точно! Он уже свободен.

И сестры облегченно вздохнули.

15 августа

суббота

Тактика кампании по освобождению инспектора Стуки от возможной венецианской любви была проста: не отпускать его от себя ни на шаг.

За несколько минут до полудня в квартире инспектора с подозрительной деликатностью раздался звонок. В тот момент Стуки лежал на коврике и качал пресс: он давно собирался заняться укреплением мышц живота. Инспектор пообещал себе выполнить упражнение хотя бы двенадцать раз, но дело постоянно прерывалось размышлениями: почему укреплять пресс нужно обязательно в субботу?

Стуки открыл дверь. На пороге застыли сестры из переулка Дотти, они сложили губы бантиком и кокетливо хлопали ресницами. Не говоря ни слова, Сандра протянула инспектору коробку его любимого печенья — со вкусом меда и сливок. Стуки улыбнулся и принял подарок.

Не думает ли инспектор провести праздничный вечер за чтением досье или еще хуже — над книгой? Всегда читает, как его? — Манганелли!* Безусловно, это подходящее чтение для полицейского, но нужно же когда-то и отвлечься.

— Развлекитесь, инспектор! Подарите себе вечер в хорошей компании. А с понедельника мы больше не станем вас донимать — мы наконец-то уезжаем в отпуск. Не говорите «нет», мы вас просим!

Почему бы не принять приглашение? Искушение велико: солнце стояло высоко в небе, жара не спадала, и дежурства у него не было. Инспектор мысленно искал отговорку.

— Вечер где?

— В очень приятном месте: живописные холмы, старинный городок, интересные люди, музыка, ювелирные изделия ручной работы, вкусная еда и домашнее вино. И звезды! — щелбтали сестры в унисон, — таких звезд вы в городе не увидите: всему виной световое загрязнение.

Стуки почесал бороду, все еще сомневаясь.

— Ладно, — решил инспектор, — только я не за рулем.

---

* Манганелли Джорджо — итальянский писатель, переводчик и литературный критик.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль у дома тарахтела красная «мини»: сестры из переулка Дотти прибыли строго вовремя, как инсулин после мороженого. Вероника вела машину, а Сандра расположилась на заднем сиденье. Обе в ярких нарядных платьях, с прелестными сумочками, но в практичной обуви. По их виду Стуки понял, что сегодня вечером придется много ходить.

У автомобиля с маленьким салоном есть один большой недостаток: пассажиры, если они любят поговорить, наполняют воздух словами так, что становится тяжело дышать. Машинка мчалась с удивительной легкостью и такой быстротой, что инспектору с трудом удавалось различать надписи на дорожных указателях. За стеклом проносились деревья, мосты, мелькали аккуратные домики и уютные ресторанчики.

Стуки судорожно сглотнул: казалось, сестры задались целью во что бы то ни стало выудить у инспектора информацию о его ночных посещениях Венеции. Он попытался отделаться общими фразами.

— Вы очень скрытный человек! — запротестовала Сандра.

Инспектор Стуки смотрел на холмистый пейзаж за окном, так не похожий на привычную им равнину. Пологие холмы казались сделанными

из ярко-зеленого папье-маше, они притягивали взгляд и направляли его высоко в небо.

Их автомобиль в потоке сотни других завернул к гигантской парковке. Вслед за толпой туристов все трое направились в исторический центр средневекового городка Чизон-ди-Вальмарино. Стуки напрягся. Все это не предвещало ничего хорошего: невероятное скопление народа, тесные улочки, толчея и отдавленные ноги.

— Праздник ведь не здесь будет? — спросил Стуки, все еще надеясь на лучшее.

Вместо ответа Сандра взяла его за руку, словно маленького послушного мальчика, и повела за собой. Чтобы избавиться от ее навязчивого внимания, инспектор с самым заинтересованным видом стал тормозить у каждого киоска, притворяясь, что хочет все внимательно разглядеть. Сестры тоже часто останавливались, чтобы осмотреть товар и прицениться, и, уверенно оценив предложение, двигались дальше с легкостью стрекоз.

И только когда их компания углубилась в смешение узких улиц, окруженных великолепными фасадами старинных зданий, молодому человеку удалось наконец уловить атмосферу настоящего средневекового праздника. В ней не чувствовалось присущей нашим дням невротичности, не было

утомляющего шума, слышался только приглушенный гул голосов. Интенсивный людской поток напоминал инспектору скорее ритмичное движение стада грациозных антилоп и не имел ничего общего со свирепой толпой на распродажах конца сезона. Сестры заметили про себя, что Стуки расслабился. Он входил с улыбкой в ремесленные лавки и вежливо выслушивал объяснения о лавандовом мыле, дрезденском фарфоре и даже о ткацких станках.

Еще городок мог похвастаться элегантною площадью и величественным зданием ратуши. Через небольшую речушку, пересекающую город, были перекинуты несколько не лишенных очарования мостиков.

Потом они немного постояли в очереди за ужином. Длинные столы вдоль улицы были заполнены довольно интересными людьми. Взгляд Стуки не раз останавливался на многих любопытных представителях человеческого рода. На ужин подали поленту* с треской, блюдо не совсем летнее, но очень вкусное. Рыба, полента и белое вино на инспектора подействовали успокаивающе. «Однако!» — подумал Стуки, наблюдая, с какой частотой и непринужденностью сестры из переулка

---

* *Полента* — итальянское блюдо (каша) из кукурузной крупы.

Дотти наполняли свои стаканы: казалось, для них это было так же естественно, как пудрить носик. Девицы блаженно улыбались. Просекко они называли «пузырьки».

— Это всего лишь углекислый газ,— сказал Стуки.

— Но это же так неромантично! — прочирикала Сандра.

— Пузырьки — это растворенный в жидкости газ, — начал объяснять инспектор и, желая произвести впечатление на дам, принялся рассказывать о законах Плато, известного химика девятнадцатого века, который занимался изучением пены. — На вершине пузырька газа соединяются три тончайшие пленки, две из них соприкасаются друг с другом под углом в сто двадцать градусов, четыре пузырька своими вершинами соединяются в одной точке.

Сестры засмеялись: придет же кому-то в голову изучать пену! Наверное, этот ученый был большим любителем шампанского. Какой замечательный предмет для изучения, не всем так везет. Стуки улыбнулся.

Вечер продолжила музыка в исполнении небольшой группы. С наступлением ночи толпа поредела: сначала стали уходить семьи с детьми, потом те, кто приехал издалека. Остались любители

поговорить, холостяки, вечные влюбленные и те, кто жил неподалеку. И пьяные.

— Мы не пьяны, — запротестовала Вероника.

— Машину поведу я, — сказал Стуки.

— Вы не умеете водить «мини».

— И водит он ужасно, — заявила Сандра.

Хотя, если разобраться, в таком состоянии никто из них не должен был садиться за руль.

Они дошли до парковки, уже практически опустевшей. На холме светился огнями средневековый замок. А над ним, как и было обещано, — звезды. Запрокинув головы и совсем позабыв об остеохондрозе, сестры восторженно показывали на небо пальцами.

Стуки предложил куда-нибудь зайти и выпить марочного вина — праздник, в конце концов! А переночевать можно и здесь. Компания расположилась на улице, под звездами, за деревянным столиком одного из баров. В бокалах красное вино. На близлежащие холмы опускается предрассветная свежесть. Они немного понаблюдали за шахматистами за соседним столиком. Подошел бармен и сообщил, что, к сожалению, в гостинице остался только один свободный номер на двоих, но в случае необходимости можно поставить раскладную кровать. Стуки задумался, медленно вращая свой бокал. Он бросил быстрый взгляд на сестер: Веро-

ника и Сандра затаили дыхание... Звезды... Темно-синий небосвод, усеянный мириадами небесных светил. Стуки никогда в жизни не видел столько звезд...